

ЗНАКОМЬТЕСЬ, СПАРТА

ВОЗЬМЕМ ОБЩИМ ПЛАНОМ

Представим себе посланника Ахеменидской державы, как называли Персидскую империю в 492 г. до н. э. Он состоит на службе у могущественного царя царей Дария I Великого. Его колоссальные владения простираются от берегов Средиземного моря далеко на восток, до самой реки Инд, охватывая территории современных Турции, Сирии, Иордании, Израиля, Египта, Ирана, Ирака, не говоря уже о солидных ломтях других земель, тоже присоединенных Дарием к своей огромной империи. Ее население исчисляется десятками миллионов людей. Посланник прибыл в греческую Лаконику (также *Лакония*) потребовать, чтобы город-государство Спарта признал верховную власть Дария I.

Обогнув мыс Малея, крайнюю юго-восточную оконечность полуострова Пелопоннес, корабль посланника пристает в маленькой гавани залива Лаконского, куда впадает река Эврот. В нижнем течении Эврот пересекает долину размером 27,4 км в длину и 6,4 км в ширину. Крошечная долина вся как на ладони — даже с борта корабля послу хорошо видна горная цепь, замыкающая ее с противоположного края. Высадившись на берег, он спрашивает первого встречного из местных: «Ты спартанец?»

«Нет, — следует ответ. — Я *периэк*, из тех, кто живет вокруг Спарты. А Спарта в двух третях пути вверх по долине, на ее западной стороне».

«Нет, серьезно? — должно быть, хмыкает про себя посланник царя царей. — Я, посланец могущественной империи, явился сюда требовать покорности от полиса размеров столь ничтожных, что он весь с потрохами уместится на землях всего лишь одного из охотничьих угодий моего господина и даже пастбищ не заденет. Разве возможно, чтобы этот махонький, с мушиную головку, полис вздумал противиться моей воле?»

Учитывая, до каких циклопических размеров разрослась в современном сознании легенда о Спарте, не перестаешь изумляться, какой, в сущности, крохой был этот прославленный древнегреческий полис — площадью и населением он сравним разве что с небольшим городком Или близ Оксфорда, где проживает всего 15 тысяч человек. Греки-современники и те говорили, что Спарта примечательна именно своей непримечательностью:

Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. <...> Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма* и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле¹.

Спарта занимала юго-восточную часть Пелопоннеса, а сам этот южный полуостров Греции имеет площадь всего 21 500 км² — вдесятеро меньше, чем Турция по ту сторону Эгейского моря. Мало того, почти всю его территорию занимают бесплодные известковые

---

* Синойкизм (греч. *synoikismós*, от *synoikizō* — «вместе заселяю») — в древних государствах процесс слияния нескольких самостоятельных поселений в единый полис. *Прим. пер.*

плато и скалистые массивы, оставляя лишь редкие и мелкие участки земли, пригодные для заселения.

Географические особенности Пелопоннеса глубоко повлияли на историю и психологию спартанцев, и потому, изучая становление их выдающегося государства, мы должны уделить пристальное внимание окружающей их местности.

Закат на Лаконском заливе. Вправо — остров Китира, доставлявший много бессонных ночей спартанским царям в их заботах о безопасности родной страны. Фото: Дж. Уолен

Визуально полуостров Пелопоннес больше всего напоминает правую лапу огромного дракона, чьи растопыренные когти вдаются в Эгейское море. Крайний правый коготь этой лапы, обращенный к северо-востоку и противостоящий трем другим, образует полуостров Аргонида. Выше него и ближе к центру полуострова располагаются Ахайя и Коринф. Западнее и чуть ближе к «запястью» лежит Элида; на ее землях в святилище Олимпии более тысячи лет проводились спортивные состязания, давшие имя нашим современным Олимпийским играм.

В центральной части полуострова располагается плато Аркадия, его высота над уровнем моря более 600 м, а рельеф образует причудливые складки из горных хребтов, глубоких ущелий и укромных долин, куда низвергаются стремительные и бурные речки. Немудрено, что при подобном обилии географических причуд у Аркадии осталось маловато простора для развертывания исторических событий — по большей части те обошли ее стороной, превратив в современную метафору вечного земного рая со всеми положенными буколическими прелестями.

Для историка Спарты полуостров Пелопоннес приобретает настоящий интерес, когда мы смещаемся к его южной оконечности, которую образуют три равноудаленных друг от друга драконьих когтя, обращенных в сторону Африки. Восточный коготь называется мысом Малея, средний — мысом Тенар, а западный, массивный и будто обрубленный, — это мыс Акрит. Как анатомически и полагается, к каждому когтю подходит свой «сустав» — горный хребет, протягивающийся вдоль всего мыса и дальше вглубь полуострова.

В особенности нас интересует «сустав», подходящий к центральному из трех когтей — мысу Тенар. Он образован протяженным горным массивом Тайгет, наивысшей точкой которого является одноименная гора. В нашей истории гора Тайгет играет невероятно важную роль, и, между прочим, ее имя — старейшее из письменно зафиксированных названий горных вершин в Европе (благодаря тому, что оно упомянуто Гомером в «Одиссее»). Не менее важен для нас и сам водораздельный горный массив Тайгет, поскольку прилегающая к нему с востока долина, орошаемая рекой Эврот, составляет плодородную часть Лаконики, где и располагается Спарта. Западнее, по ту сторону Тайгета и параллельно ему, протекает река Памисос. Область в ее бассейне, называемая Мессенией, обладает относительно плоским (по меркам Пелопоннеса) рельефом и высокоплодородными (по тем же меркам) землями, которые разделены вторгающимся в них отдельным горным хребтом.

Вид на горный хребет Тайгет со стороны Мессении. Здесь его склоны более пологи, чем со стороны Спарты, где их крутизна создает серьезное препятствие для путешественников. Фото: Дж. Уолен

Этот беглый географический очерк показывает, что при всех невеликих размерах полуострова Пелопоннес область Лаконика — со всеми ее горами и долами — занимает меньше его четверти с площадью примерно 3900 км². Иными словами, завоевав всю Лаконику, Спарта стала владычицей империи, земли которой простирались на 78,8 км в длину и на 56 км в ширину. Для дальнейшего расширения владений требовалось двинуться либо на запад, преодолев горный массив Тайгет, либо на север в неприветливую гористую Аркадию, либо искать удачи в завоеваниях на море. Заметьте, однако, что в Античности Средиземное море делало почти невозможной навигацию в зимние месяцы. И хотя в самой Спарте снег видели редко, но на склонах Тайгета его выпадало достаточно для того, чтобы превратить горные перевалы в опасное, почти непреодолимое препятствие. Следовательно, значительную часть года Лаконика бывала фактически отрезана от остального мира.

К вышеописанным физическим барьерам добавлялись и барьеры психологического свойства. Те же преграды, которые мешали Спарте вырваться из тисков Лаконики на просторы Пелопоннеса, в равной степени препятствовали проникнуть в нее людям извне. Изоляция Спарты привела к формированию у нее замкнутого, провинциального взгляда на мир, а также представления о своей особости и исключительности. Позже, когда Спарта вошла во вкус завоеваний и стремилась распространять свою власть далеко за собственные пределы, правители полиса прекрасно осознавали, что на новые земли следует допускать как можно меньше истинных спартанцев. В том и состояла их беда: за пределами своего уникального общества они выказывали огорчительную неспособность держать под контролем самих себя, не говоря уже о номинально покоренных ими народах. Таким образом, до каких бы высот могущества ни поднималась Спарта, в психологическом плане она неизменно оставалась тем же, чем была изначально, — крохотным, стиснутым горами городом-государством, затерянным под западным боком массивного Тайгета.

ИСТОКИ, ЧАСТЬ I. АРХЕОЛОГИЯ

Кто они были такие, эти спартанцы, и откуда взялись? Существует два ответа. По ряду пунктов они совпадают, но по существу очень различаются; однако оба могут быть «верны» в зависимости от точки зрения интересующегося.

Первые поселения появились на Пелопоннесе еще в доисторические времена. Археологи обнаружили стоянки древних людей, обособившихся здесь почти 50 тысяч лет назад. Первые их обитатели пришли на полуостров через узкий Коринфский (или Истм) перешеек и основали в защищенных межгорных долинах тесно сплоченные изолированные сообщества. Но даже археологическая картина этих первых поселений охотников-собирателей остается довольно фрагментарной вплоть до времен аграрной революции, свершившейся примерно восемь тысячелетий тому назад. Первым земледельцам

Лаконики приходилось совсем не сладко. Но мягкий климат и благоприятные для сельского хозяйства условия по крайней мере облегчали их аграрные старания (если предположить, что они не слишком привередничали относительно размеров урожая и разнообразия возделываемых культур), к тому же под защитой гор им особо не досаждали ни нападения хищников, ни набеги воинственных племен. При летних засухах и дождливых сезонах весной и осенью земля здесь позволяла выращивать по два урожая зерновых в год, причем этот цикл сохранялся и на протяжении классической эпохи (500–336 гг. до н. э.).

Многие поселения не относились к постоянным: недостаток агрономических познаний приводил к тому, что низкокачественные почвы быстро истощались и подвергались эрозии; негативную роль играли также колебания климата. (В 2015 г. археологи обнаружили на дне у побережья Арголиды целый подводный город доисторических времен, затонувший в результате того, что уровень моря значительно повысился.) Тем не менее некоторые древние поселения оставались обитаемыми довольно долго и, судя по всему, просуществовали не одно тысячелетие. Относительно густо была заселена долина реки Эврот, одна из самых плодородных местностей во всей Греции. Обнаруженные здесь черепки керамических изделий и прочие остатки предметов древней материальной культуры указывают на то, что поселения времен неолита в Лаконике существовали не обособленно друг от друга и что между деревнями в долине Эврота велась торговля, а область Лаконика поддерживала коммерческие отношения с другими областями Пелопоннеса.

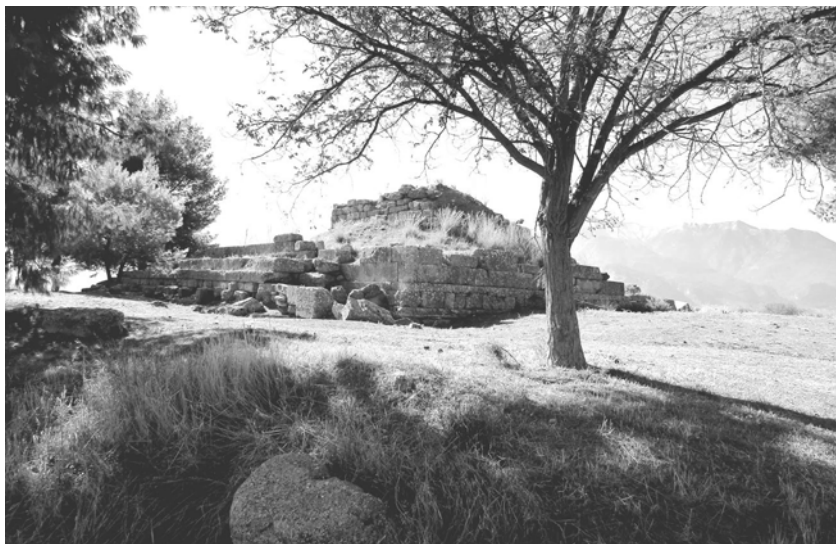
Древние поселения в долине Эврота располагались в основном на ее западной стороне, где наносы горных пород благодаря стекающим со склонов Тайгета талым и дождевым водам образовали полосу плодородной земли, обогащенную также донными отложениями давно исчезнувшего внутреннего моря. Восточное побережье Эврота значительно уже западного и сформировано илистыми речными отложениями. Ширина долины почти на всем ее протяжении

не превышает 8 км, а высыхающие по обе ее стороны горы объясняют, почему Гомер назвал эту область «низменный Лакедемон, окруженный холмами». В доисторические времена еще не существовало прибрежной аллювиальной (образованной наносами и намывами) равнины, ныне одного из самых процветающих сельскохозяйственных районов в долине Эвроты, и более того, судя по некоторым данным, прибрежные территории были настолько засушливыми и малопродуктивными, что из всех сельскохозяйственных занятий возможным оставалось лишь разведение овец.

Если Спарта и существовала в те древнейшие времена, то ее жители оставили будущим археологам крайне мало материальных свидетельств о себе. Самые ранние надежные указания на то, что в этих местах было постоянное поселение, относятся к бронзовому веку, начавшемуся примерно в III тысячелетии до н. э. В том месте, где Эврот принимает в себя спускающийся со склонов Тайгета горный ручей Магулу, на противоположном восточном берегу высится Ферапна, скалистый холм, где найдено заброшенное древнее поселение, получившее у археологов название Менелайон. Сама же классическая Спарта позже возникла на противоположном, правом (западном) берегу Эвроты. Там же, чуть ниже по течению, существовало доисторическое поселение Амиклы — как оказалось, всего лишь спутник Менелайона, где в годы расцвета вся вершина холма была сплошь застроена домами и окружена оборонительной стеной. В отличие от Менелайона, в Амиклах в классическую эпоху продолжали жить люди, а позже, наряду с несколькими другими соседними деревенскими поселениями, они вошли в состав мегаполиса Спарта.

В ранний период бронзового века холм Менелайон служил важным центром Лаконики, и с течением времени его значение только возрастало. Однако господствующим городом Лаконики он не стал — этой чести удостоилась Пеллана. Ныне всего лишь маленькая деревушка, Пеллана раскинулась на макушке Лаконики, тогда как Спарта — почти в самой ее сердцевине. Поскольку в силу своего

положения Пеллана в те древние времена контролировала доступ остальной Греции в долину Эврата, город мог играть роль своего рода региональной столицы, хотя этот термин лишь с большой натяжкой применим к значительно рассредоточенному обществу, каким оно, судя по всему, было в те времена. Когда царства микенского времени Греции набирали силу и централизовали власть, столицей Лакедемонскому царству, вероятно, служили либо Пеллана, либо Менелайон — по этому вопросу дискуссии все еще ведутся. Как свидетельствует археология, именно в Менелайоне был возведен один из самых ранних в материковой Греции микенских дворцов и вскоре разрушен, из чего можно заключить, что вопрос первенства в доисторические времена тоже ожесточенно оспаривался.

Вид на Менелайон — спартанское поселение времен микенской цивилизации, обращенное на юго-запад в сторону реки Эврот. Фото: Дж. Уолен

Археология мало что сообщает нам о политической жизни и обычаях населявших Лаконику народов. Нам известно, что войнам отводилась важная роль, поскольку греки микенской эпохи с удовольствием предавались этому времяпрепровождению и еще потому, что

археологические раскопки на территории Лаконики выдают крупный интерес строителей того времени к возведению оборонительных сооружений. Нам известно также, что еще с началом бронзового века Менелайон возвысился как религиозный центр, и с тех пор на холме возникла целая череда храмов. Свою роль святилища он сохранял даже после того, как на другом берегу Эвроты начала набирать силы и могущество классическая Спарта. При этом в спартанскую эпоху объектом религиозного поклонения в Менелайоне выступали уже не боги, а герои времен бронзового века (в их числе и выведенный в гомеровском эпосе «Илиада» царь Менелай, в честь которого сегодня называется это древнее святилище).

В геополитических реалиях Греции времен бронзового века Менелайон имел большое значение, хотя, по всей вероятности, он относился к городам второго порядка, уступая по важности таким крупным могущественным центрам, как Микены, Фивы и незадолго до того возникшие Афины. Вообще сама Греция по большей части представляла собой что-то вроде захолустья в сравнении с процветающими центрами цивилизации в Египте, Месопотамии и на островах Эгейского архипелага. Что до микенских греков, то, учитывая их воинственность, пожалуй, неудивительно, что их самым выдающимся достижением конца бронзового века был объединенный военный поход, увенчавшийся разрушением могущественного Илиона (Трои) на западном побережье Малой Азии.

Пускай подвиг прославлен в мифах как осада Трои, о реальных исторических обстоятельствах этого события нам мало что известно. Точнее говоря, установить, что легендарная Троя из гомеровского эпоса реально существовала, удалось не далее как полтора века назад, а последующие археологические изыскания подтвердили, что город действительно был разрушен примерно в то время, какое упоминается в легендах, а именно около 1250 г. до н. э.

Вскоре после падения Трои стряслось нечто ужасное, и не только с Грецией, но и со всем цивилизованным миром Восточного

Средиземноморья. Точные причины неизвестны, но, что бы ни произошло на закате XIII в. до н. э., оно носило поистине катастрофический характер. Согласно одной теории, случилось очередное извержение вулкана Тира (Фера, Санторин). Сегодня остров Санторин представляет собой окольцованную скалами и заполненную морской водой кальдеру гигантских размеров, которая образовалась на месте кратера вулкана после ряда извержений, причем как минимум одно из них превосходило мощью извержение Кракатау — самое мощное в современности. Но если Кракатау извергся в относительно отдаленном от очагов цивилизации районе Тихого океана, то вулкан Тира располагался в близком соседстве даже не с одной, а с несколькими древнейшими цивилизациями.

Крупное извержение в Восточном Средиземноморье не могло не вызвать моментальных и совершенно катастрофических последствий. И конечно, одного этого события вполне хватило бы, чтобы угробить бронзовый век. Правда, высказываются также предположения, что невиданное бедствие, которое почти стерло с лица земли процветавшую в этом регионе цивилизацию, спровоцировали такие факторы, как изменение климата, в особенности засухи, крупная эпидемия или сочетание того и другого. Беда с катаклизмом такого масштаба заключалась в том, что пережить его удалось слишком ничтожному числу очевидцев, способных описать события, и столь же ничтожными были шансы, что их письменные свидетельства, даже если бы и существовали, могли сохраниться до наших дней. Вот почему коллапс бронзового века остается для нас загадкой такой же непостижимой, как и совершенно разрушительные причины, его вызвавшие.

В Анатолии пала Хеттская империя, лишь руины остались от Сирии. Почти полностью исчезла когда-то блистательная минойская цивилизация, зародившаяся на Крите. Не уберется и Египет, к тому времени насчитывавший уже несколько тысячелетий: сильнейшие внутренние потрясения и вторжение чужеземных

захватчиков подвели к краю гибели даже эту могущественную цивилизацию.

Страшный катаклизм чуть ли не до основания уничтожил микенскую Грецию. Как свидетельствует археология, разрушились практически все крупные центры сосредоточения населения, а те, что поменьше, просто обезлюдели. Гончарное ремесло, достаточно точно отражающее уровень развитости общества, с изысканных расписных ваз скатилось до изделий, напоминающих разве что грубо обработанные куски глины. Письменность практически забылась, из-за чего текстовые источники на несколько веков исчезли как класс и появились, только когда она возникла вновь. Эта новоизобретенная письменность по форме не имела ничего общего с ранее существовавшей. В общем и целом Греция погрузилась в «темные века», продлившиеся до начала VIII в. до н. э. Таким образом, мы практически ничего не знаем о том, какие события на протяжении трех столетий происходили в Греции, — что и говорить о таком ее глухом уголке, как Лаконика, где предстояло зародиться Спарте.

Но все-таки нам известно, что около 1000 г. до н. э. поблизости от развалин Менелайона, но на противоположном берегу Эвроты возникли две деревни. В те тяжелые времена здравый смысл подсказал их обитателям идею общими силами укрепить близлежащий холм и превратить его в акрополь (букв. «верхний город»), где в трудный час можно укрываться от опасностей. Резонно предположить, что объединение усилий для такого важного дела в конечном счете привело и к объединению самих деревень (вероятно, от двоих правителей тех деревень и берет начало спартанская традиция диархии — правления двоих правителей, диархов, или дуумвиров). Из этого туманного начала и поднялась могущественная Спарта. Не следует думать, что те две объединившиеся деревни населили бывшие обитатели Менелайона, которым вздумалось переселиться за реку. Ничего подобного! Что случилось с ними, неизвестно, зато мы знаем, что теперь Лаконику заселил пришлый народ — дорийцы.

Еще один вид на Менелайон с юга на его западную сторону, обращенную к долине Эвроты. Фото: Дж. Уолен

Племя дорийцев явилось с севера, возможно даже с Балкан. Как и о прочих событиях в Греции «темных веков», наши сведения о вторжении дорийцев смутны и по большей части предположительны. Нельзя исключать и того, что ошибочен даже сам термин, обозначающий их прибытие на Пелопоннес, — «дорийское вторжение», — возможно, этот народ всего лишь желал овладеть пустующими или заброшенными поселениями. Некоторые историки склоняются к мнению, что дорийцы издревле населяли Пелопоннес и, будучи покоренными, во многом находились в таком же положении, какое в дальнейшем Спарта отведет илотам. Во времена катастрофы дорийцы свергли своих угнетателей и забрали власть в свои руки. Каким бы ни было их происхождение, к концу «темных веков» они владели всем Пелопоннесом, в том числе Лаконикой, а спартанцы классической эпохи уже с гордостью именовали себя дорийцами (но только не спартанские цари — по причинам, на которых мы остановимся ниже).

Разрушение, как это всегда бывает, дало толчок к созиданию нового. До наступления «темных веков» ключевую роль играли проторенные торговые пути. С крахом цивилизации бронзового века разрушились и они. Отсутствие олова (которое, согласно ряду источников, завозилось из такой дали, как Британия) не позволяло производить его сплав с медью — бронзу, а олово по тем временам было достаточно редким металлом. Без этого металла закончился и сам бронзовый век. Вероятно, от отчаянности положения некто изобретательный в Анатолии начал экспериментировать с расплавлением железной руды, и тут выяснилось, что железо, — когда-то считавшееся металлом еще более редким, чем золото, — вполне себе можно получать из определенных почв красноватого оттенка. И что еще примечательнее, в процессе плавки раскаленное докрасна железо, как оказалось, способно поглощать отдаваемый древесным углем углерод и образовывать сталь, сплав с весьма ценными свойствами. Правда, действовать приходилось наугад и нужный сплав не всегда получался, но, после того как технологический процесс удалось отработать, открылся путь к мечам гораздо более прочным и гибким, чем любое холодное оружие, которым владели микенские цари. Таким образом, из «темных веков» Греция вышла куда как лучше вооруженной и куда более свиреповоинственной, чем была, когда только низринулась в их крошечный мрак. А Спарта, та и вовсе выиграла вдвойне, поскольку располагалась на самых плодородных землях долины Эвроты и потому могла посвятить завоевательным войнам достаточно населения и ресурсов, которые другие, менее удачливые народы вынуждены были тратить просто на выживание.

Мореплавание тоже получило значительное развитие на исходе «темных веков». Финикийцы, происходивший из Леванта семитский народ, первыми освоили передовые технологии судостроения и во многом поспособствовали восстановлению морских торговых путей в Средиземноморье. Одно время на негостеприимном мысе Малей даже существовало финикийское поселение, где

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

